

1989 - 24 марта - с. 4
ЛЮДИ ИСКУССТВА

Не раз писал о киноактерах и, не скрою, встречал некоторые понимания и одобрения публики. Оно и понятно: есть ли в стране люди более известные и популярные? Даже попытка всерьез разобраться в их творчестве воспринимается как своего рода светская хроника.

О режиссерах писать, вероятно, сложнее. Их имена понастоящему известны лишь истинным ценителям кино. Впрочем, у нас таких ценителей больше, чем в иной стране посетителей кинотеатров.

Сейчас, настроив свое перо на тему личности кинодраматурга, сценариста, литератора, пишущего для экрана, испытываю затруднение особого свойства: массовый зритель на имена авторов сценариев внимания, как правило,

не обращает. Ощущаю в этом обиднейшую несправедливость и утешаюсь лишь тем сознанием, что фильмы, снятые по хорошим сценариям, он помнит всю жизнь. А некоторые, как выяснится чуть позже, даже знает наизусть. Будто любимые стихи или песни из тех же фильмов.

Такая зрительская невнимательность к имени автора всей драматической сущности фильма связана с передким в профессиональной среде мнением, что сценарист должен умереть в режиссере. Не оттого ли либретто почти всех западных лент создаются бригадным способом, не случайно и у нас — к несказанной обиде авторов — сценариям зачастую отказывают в звании литературного произведения? Что на это от-

ветить? Разве то лишь, что есть фильмы, снятые самыми разными постановщиками на самых разных студиях и тем не менее проникнутые единым духом, захватывающие одним и тем же, тотчас отличным настроением, развивающие всю ту же область «любимых дум», касающиеся раз и навсегда избранных конфликтов и коллизий. Роднит все эти непохожие одна на другую картины единство авторской воли и судьбы, признак истинного творчества.

Короче, речь идет о том самом редком случае, когда по меньшей мере в двух с лишним десятках отличных фильмов с наибольшей полнотой воплощена именно личность сценариста. Известного также в качестве театрального драматурга и прозаика.

ПОРТРЕТ

Не знаю, прозвучит ли это комплиментом, но для меня Рустам Ибрагимбеков при своих только что мною упомянутых успехах и достижениях в кино, при глубокой своей погруженности в кинематографический процесс и драматичные производственные дела был и остается писателем по преимуществу в изначальном, традиционном смысле слова.

Может быть, потому, что знакомы мы давно и память благодарно хранит чисто литературные застолья и прогулки более чем двадцатилетней давности, те споры и признания, которые случаются в среде сочинителей, те импровизации на тему дорогого замысла, какие характерны для людей вообще пишущих. Ни для кого конкретно, для самих себя и для всего мира.

При всем при том, что Рустам к тому времени уже окончил Высшие сценарные курсы в замечательной, почти лицейской компании (Андрей Битов, Резо Габриадзе, Грант Матевосян) и уже был автором всенародно любимого, вот уж действительно счастливо выученного наизусть миллионами зрителей фильма «Белое солнце пустыни», такой уж однозначной прикреплённости, пожизненной приговоренности его только к кинематографу в памяти не осталось.

Осталось ощущение мира, которым владеет этот образованный молодой человек (кандидат математических наук!), каждый день открывающий с затаенной радостью, какими неисчерпаемыми возможностями для художественного воплощения этот мир, оказывается, располагает. Хотя кто-то из великих заметил, что само по себе знание жизни для пишущего ничего не решает, важно умение черпать из этой жизни.

Рустам этим умением сполна обладал. То есть наделен был даром чувствовать и понимать, какими драматическими, волнующими сюжетами способна обернуться ежедневная обыденность его родного Баку. Знаменитый этот город — столица республики, крупный порт, индустриальный центр, средоточие культуры — существовал в сознании писателя как будничное родное место, как сплетение по-европейски щегольских и по-восточному запутанных улиц, как смешение языков, традиций и обычаев, как один огромный двор, живущий открыто, страстно и грубо, по законам, не всегда совпадающим с принятыми в обществе, следуя правилам и заветам, которые, быть может, древнее всех на свете законов. Во всяком случае конкретнее, ошутимее, полнокровнее.

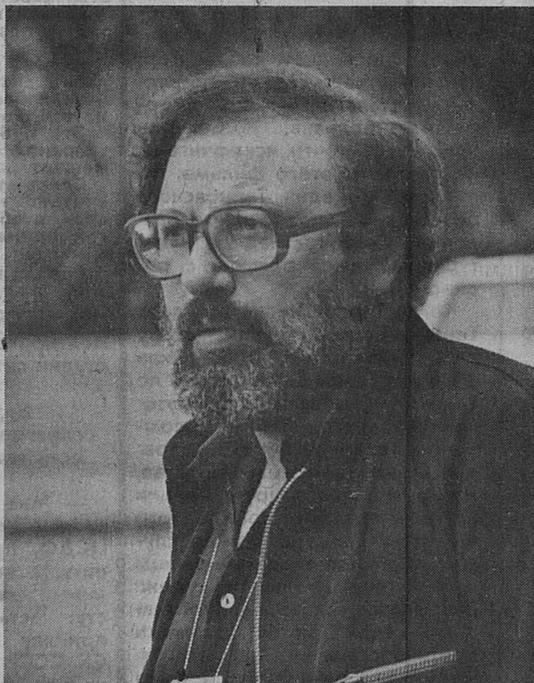
Помню фильм «В одном южном городе», снятый Эльдаром Кулиевым по сценарию, в основу которого Рустам положил свою повесть «На 9-й Хребтовой». (А может, никакого особого сценария и не было, поскольку есть у меня подозрения, что свои «киношные» сюжеты Рустам сразу осуществляет языком нормальной прозы, предназначенной их еще и для чтения с журнальной и книжной страницей). Так вот, в этом черно-белом, жестком, резко контрастном фильме уже присутствовала завязь многих тем, которые Рустам Ибрагимбеков, словно выполняя некое обязательство перед малой своей родиной, последовательно разрабатывал потом в своих повестях и пьесах, столь естественно превратившихся в кинокартины.

Легко ли жить на стыке дедовских традиций и требований современного бытия, как примирить в себе самом, в неделимой своей душе представления о чести, которые столько раз лстили твоему самолюбию, с движением сердца, которое, может быть, впервые в жизни позволило тебе ощутить себя самим собою? Чувствую, как отбегаемы, как уклончивы эти якобы аналитические слова.

А у Рустама Ибрагимбекова все неотвратимо, неоспоримо подлинно и конкретно: жизнь и любовь, кровь и смерть.

И все без малейшей экзотики, с абсолютной убежденностью, что речь идет о самом существе человеческих отношений.

Странно, но почти всякий раз, когда художник поднимает конфликты в родной ему среде до бытийного уровня общечеловеческих, эта самая родная среда, по крайней мере на руководящем идеологическом уровне, встречает его обидой и оскорбленным непониманием.

С ГЕРОЯМИ

Двадцать лет назад, оказавшись в обществе одного бакинского руководителя средней руки и желая сказать ему что-то приятное, я по наивности от души похвалил «В одном южном городе». Как вознегодовал мой собеседник на кинематографистов и в первую голову на автора сценария! Обвинения в клевете на родной город и свой народ были, пожалуй, наиболее мягкими в его обличительной тираде.

В который уже раз любовь совершенно искренне (будем так думать) была принята за оскорбление. А все потому, что за признание в любви и поныне чаще всего принимают лесть...

Что же касается драматического, а то и трагического переплетения традиций и предрассудков, то художник, как это нередко бывает, оказался прозорливее некоторых ответственных товарищей.

Их гнев, а также четырехлетнее отлучение от кинематографа Рустам Ибрагимбеков перенес стойко. Лучшее тому свидетельство — его лучшие фильмы «И тогда я сказал «Нет!», «Допрос», «Женщина за зеленой дверью», «Парк», «Другая жизнь», в которых, закрепившись все на том же плацдарме своего творчества — двор, квартал, город, — он сумел еще глубже проникнуть в суть многих роковых для нас социальных конфликтов и еще пластичнее, непреднамереннее их воплотить.

Иными словами, в этих лентах все самые сложные нравственные противостояния существуют в самом непосредственном своем, будничном, ежедневном, грубом и зримом выражении, и даже таким публицистически обобщенным понятиям, как честолюбие, власть, протекционизм, застой, найдена житейски конкретная, безошибочная интерпретация.

А все потому, что они явлены в людях — сильных, страдающих, властных, связанных между собой сложнейшими нитями землячества, соседства, старой дружбы, родства, обетов, данных некогда дедам и прадедам, вековыми представлениями о мужской чести, о женской чистоте и о человеческом благородстве. Драма в том, что, застывши раз и навсегда, эти в высшей степени почтенные принципы неизменно становятся догмами. Теми самыми, что сковывают общественное дыхание почине иных чрезвычайных законов и уродуют человека не по преднамерению свыше, а как бы в силу добровольно принятых на себя обязательств.

«Что ж, мученики догмата, вы тоже жертвы века» — сказано поэтом.

Таких жертв немало среди героев Рустама Ибрагимбекова. Тут и «сильные» люди почти всех периодов нашей истории: одни из них — нашивают глухие защитные френчи, другие — долгополые габардиновые плащи, третьи в любую апшеронскую жару щеголяют в корректнейших, добротнейших «тройках» голландского и австрийского производства. Тут и невольники «теневого» бизнеса, безгласная опора всемогущих «крестных отцов», опутавших общество паутиной взаимных обязательств и безжалостной иерархии. Тут и заложники семейных традиций, молодые кандидаты наук, еще пытающиеся или не пытающиеся уже бунтовать против навсегда определенного их судьбу благополучнейшего конформизма.

Интересно было осмысливать социальную остроту, так естественно присущую взгляду и перу известного кинодраматурга, но вдруг подумалось, что этой самой остротой его творчество ни в коей мере не исчерпывается. И, честно говоря, не она прежде всего обращает на себя внимание. Она чаще всего проявляется и проясняется в зрительском сознании к концу просмотра, а то и после него, захватывает же, увлекает и волнует нечто совсем иное — лирический порыв, ностальгическая нота, тайная нежность к своим сверстникам, причастность ко всему тому, что довелось им пережить.

Нет, что ни говорите, а настоящий писатель непременно «дует в свою дуду», более того — именно по этой дуде и узнается, по желанию вновь и вновь пройти путем своего детства, своего отрочества и юности и ничего в них не упустить из виду, ни радости, ни обиды, всему воздать должное, обнаружить истоки всех своих побед и поражений.

Среди режиссеров, ставивших фильмы по сценарию Р. Ибрагимбекова, были такие, казалось бы, ни в чем не близкие мастера, как Павел Арсенов, Расим Оджагов, Роман Балаян, но примечательно, что ни один из них не упустил случая откликнуться заветной сердечной струной на заключенную в тексте, по первому впечатлению — рационально трезвом, пронзительную поэтическую ноту.

Это может быть поэзия давно миновавшего, но никак не уходящего из сознания, из снов и бессознательных привычек послевоенного детства, с его недетскими играми и жестоким воспитанием чувств. Это может быть поэзия родного города, того закоулка, при виде которого у тебя сжимается сердце, особых человеческих отношений, которые установились когда-то раз и навсегда и не зависят ни от успехов, ни от выдвиганий, ни от диссертаций, ни от заработков. Но чаще всего это поэзия страсти, непереносимого, слишком большого для обыденной жизни открытого чувства.

У какого современного драматурга герой прямо на сцене умирает от любви? У Рустама Ибрагимбекова, в его недооцененной у нас,

а во многих странах мира превосходно поставленной пьесе «Похожий на льва».

Какой современный сценарист убеждает нас в том, что оскорбленный безжалостной ревностью герой в наши дни, как и в пушкинские времена, должен вызвать своего обидчика на дуэль? Рустам Ибрагимбеков, в фильме «Храни меня, мой талисман», реализованном изысканно, с излишними, на мой взгляд, вольностями по отношению к авторскому замыслу.

Все-таки искусство должно потрясать. Говорю это чуть смущенным тоном, поскольку и в театре, и в кино нынешние драматурги, словно сговорившись, предпочитают удивлять, шокировать, даже оскорблять нарочитой размытостью своих представлений о том, что можно, а что нельзя, что хорошо и что плохо.

Рустам Ибрагимбеков в этом отношении, как говорится, драматург с правилами. Его сюжетные построения могут быть как угодно прихотливы и сложны, моральный релятивизм ему категорически не свойствен. Его герои прошли хорошую дворовую школу с ее более чем определенными представлениями о том, что есть дружба, а что есть предательство.

Сколько знаю Рустама Ибрагимбекова, всегда дивился вот такому его спокойному сознанию. Оно не имело ничего общего с той бретерской, заносчивой самоуверенностью, какой взбадривают себя и набивают себе цену иные неуравновешенные таланты. И с напором д'Артаньяна, прибывшего на завоевание столицы, как-то не ассоциировалось. Именно сознание правоты, лучше не скажешь, убежденность, что некое твое знание — жизни, судьбы, человеческой природы — должно заинтересовать мир, наверняка его заинтересует.

Эта несуетная вера в свое творческое предназначение и в его необходимость людям неизменно покоряла и тех, к кому творчество было обращено, и тех, от кого оно так или иначе зависело.

Рассказывают, что и на зарубежных недоверчивых, пресыщенных продюсеров, с которыми Рустам Ибрагимбеков нередко имеет дело, она производит то же воздействие.

Понятно, что такое счастливое свойство творческой природы можно считать и особой удачливостью. Только вот ведь что характерно: удачливость эта никогда не бывает случайной.

Ан. МАКАРОВ.

● Рустам Ибрагимбеков. Фото А. Тягни-Рядно.